

A man and a woman in 19th-century attire are shown in a close-up, intimate moment. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a dark blue dress with a white lace collar. The man, on the right, has dark, curly hair and a beard, wearing a dark vest over a white shirt. They are both holding a small, ornate cup together, looking at each other with soft expressions. The background is slightly blurred, showing what appears to be a kitchen or a room with shelves and a window with flowers.

Нелли Леонтьева

**САДОВНИК И БАРЫНЯ.
Петербургский дачный
роман**

Нелли Леонтьева

**Садовник и барыня.
Петербургский дачный роман**

«Автор»

2026

Леонтьева Н.

Садовник и барыня. Петербургский дачный роман /
Н. Леонтьева — «Автор», 2026

Действие происходит на петербургской даче в начале XX века. В центре повествования княгиня Мария Николаевна Мещерская формально замужняя, но давно живущая самостоятельной жизнью. Она состоятельна, зимой живет в петербургской квартире на Никольской, а на лето выезжает на арендованную дачу близ Петербурга. В Куоккале, на даче с розарием и оранжереей, княгиня сталкивается с финном-садовником, нанятым на лето хозяином дачи. В ходе повествования выясняется, что Йохан Линден — бывший шведский моряк. Между княгиней и садовником возникает напряжение, сначала неосознанное, затем всё более явное. Роман развивается медленно, на фоне чаепитий у самовара на остекленной веранде, через паузы, взгляды, случайные встречи. Ключевые сцены разворачиваются в оранжерее во время грозы, на реке и на господской кухне в четыре часа утра, где они за чашкой кофе из цикория оказываются вынуждены признать, что между ними возникли чувства.

© Леонтьева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Садовник и барыня. Петербургский дачный роман	5
Глава 1. В городской квартире перед отъездом	5
Глава 2. Сборы продолжаются	9
Глава 3. Дорога	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Садовник и барыня. Петербургский дачный роман

Садовник и барыня. Петербургский дачный роман

Глава 1. В городской квартире перед отъездом

В городской квартире княгини Марии Николаевны на Никольской было свежо и просторно. Май выдался на редкость теплым: Нева уже взяла в берега, сады за окнами цвели той торопливой, северной зеленью, которая в Петербурге всегда кажется чудом после девяти месяцев серости. Белые ночи стояли полные: в первом часу можно было читать без свечи, и странное, нереальное чувство наполняло душу, как будто время остановилось и не хотело уходить в темноту.

Княгиня сидела в угловой гостиной у открытого окна. Она была одна, в утреннем капоте из тонкой шерсти, длинные волосы после ночи уложены в свободные косы. Перед ней на круглом столике лежал небрежно надорванный конверт с угловатым, твердым почерком управляющего. Дача в Куоккале была снята еще в феврале, а присмотрена и вовсе заранее, прошлым августом, внесен задаток и составлен список мебели от хозяев.

Снимали, разумеется, по знакомству, через старую приятельницу княгини, знавшую все хорошие дачи в Терийоках. Хозяин, купец первой гильдии Федотов, держал ее для своей семьи, но в тот год уезжал за границу на все лето и сдавал дом, довольно дорого, крепко уверенный в том, что найдет хороших порядочных жильцов.

Располагалась дача в Куоккале, в полуверсте от станции, на высоком песчаном берегу, откуда в ясную погоду был виден залив, серый, холодный, но прекрасный той северной, сдержанной красотой, которую могут любить только те, кто провел здесь свои детские годы.

Дом был белый, деревянный, в два этажа и большой, во всю стену, остекленной верандой, выходящей на юг. Вокруг росли старые липы и березы, а перед крыльцом — два густых куста сирени, которые к концу мая уже отцветали, но все еще держали кое-где лиловые грозди, пахнувшие медом и чем-то горьковатым. Отдельно, в глубине сада, стояла беседка, увитая жимолостью, в ней можно было укрыться от полуденного зноя, читать, пить чай или просто слушать, как жужжат шмели на клумбах.

Перед домом хозяин дачи сделал ровную, выкошенную лужайку, на которой в хорошую погоду собирались играть в лаун-теннис. Позади дома, за аккуратной изгородью из жасмина, начинался яблоневый сад, старый, запущенный, но оттого еще более живописный, с зеленеющими кронами, под которыми даже в самый жаркий день лежала прохладная, густая тень. Там же, у самой ограды, стояла маленькая, сложенная из старого кирпича сторожка садовника, щели ее заросли темным мхом, а вокруг окон вился дикий виноград; такая неказистая снаружи, но должно быть очень уютная внутри.

Главной гордостью хозяина, впрочем, были оранжереи и розарий. Оранжереи: две большие, остекленные, с чугунными рамами, выходили на запад и прогревались солнцем с утра до вечера; там к концу лета наливались и спели персики, абрикосы и какие-то удивительные, желтые, как воск, сливы. Розарий же раскинулся перед домом, слева от веранды, и насчитывал не менее трех десятков сортов, от нежных, чайных, бледно-розовых «Мадам Луизы» до темно-бархатных, почти черных «Глория Деи». Дорожка от крыльца вела через розарий к калитке, а за калиткой, уже за садом, спускалась к реке Сестре, капризной, быстрой, с холодной, ключевой водой и песчаным дном. Там, у самого берега, на сваях, стояла купальня: маленький дощатый домик, выкрашенный в бледно-голубое, с мостками и лесенкой, уходящей прямо в воду.

Кроме большого дома, на участке стояли еще две небольшие постройки: гостевой флигель и старая, почерневшая от времени баня у самой ограды, где, по слухам, прошлым летом кто-то из гостей купца Федотова устроил игорный притон — но княгиня эти слухи пропускала мимо ушей.

Дача не была роскошной: ни колонн, ни лепнины, ни английских газонов. Но в ней была та особая, прелесть, которую ценят люди, уставшие от петербургской каменной тесноты: сосны у самого забора, песок под ногами, запах мха и тишина, в которой слышно, как падает шишка.

Княгиня, когда снимала эту дачу, долго колебалась — не дорого ли? — но потом, вспомнив прошлогоднюю холодную дачу в Лесном, махнула рукой: «Возьму. Для себя, для Лизы. Лучше раз заплатить, чем потом чинить и доделывать». Так мысли о деньгах привели ее к мыслям о муже.

Княгиня Мария Николаевна Мещерская не любила думать о муже. Не потому, что воспоминания были болезненны, просто годы в разлуке брали свое. Князь Андрей Дмитриевич Мещерский вот уже девятый год жил во Флоренции, занимаясь живописью, которую никто не покупал, и светской жизнью, которую никто не одобрял. Брак их, заключенный по любви, давно превратился в формальность: они не виделись, не ссорились, даже не писали друг другу, если не считать редких, сухих записок о деньгах. Князь аккуратно переводил жене установленное при разъезде содержание, не щедрое, но и не скудное, и этого княгине хватало на жизнь в Петербурге, на воспитание дочери Лизы и на достойную дачу в Куоккале.

Основным же источником ее дохода было небольшое рязанское поместье, доставшееся от матери: триста десятин земли, смешанный лес, речка, мельница и два десятка крестьянских дворов. Управляющий, старый Иван Ильич, присылал отчеты раз в месяц, и княгиня, стараясь вникать в цифры, делала это с трудом, арифметика никогда не была ее сильной стороной. «Слава Богу, — думала она иногда, сворачивая очередное письмо управляющего, — слава Богу, что я не завишу от мужа. Свое — оно надежнее». И она была права: свое — рязанское, с лесами и мельницей, — давало ей ту самую независимость, которую она ценила больше всего на свете. А муж во Флоренции, с его картинами, долгами и итальянскими графинями, был для нее не более чем далекой, почти забытой тенью, напоминавшей о молодости, которая прошла мимо, не оставив ни тепла, ни сожалений. Иногда, впрочем, по ночам, когда не спалось, она вспоминала его лицо, красивое, надменное, с вечной усмешкой в углах губ, и думала: «А что, если бы все сложилось иначе? Если бы он остался в Петербурге, если бы мы жили вместе, если бы...» Но она не заканчивала эту мысль, потому что знала: того, что было, не вернуть, и той жизни, о которой она мечтала в девятнадцать лет, никогда не существовало. Была только она, Лиза, петербургская квартира, а летом дача, и эта странная, полусвободная жизнь женщины, которая не вдова, но и не замужем, — жизнь, в которой можно было распоряжаться собой,

своим временем и, главное, своим сердцем, которое, как ей казалось, уже давно не билось так, как в молодости.

В дверях тихо кашлянул дворецкий Николай Степанович, помогавший с переездом здесь в петербургской квартире, ему велено было подготовить и собрать княгиню на дачу.

— Ваше сиятельство, извозчики скоро будут. Ломовых двое, как вы приказывали. Что прикажете грузить сначала?

Княгиня подняла глаза. Она не любила суеты, но умела ее организовывать так, что суета становилась порядком, словно сама собой.

— Начните с кроватей, Николай Степанович. Мою и Лизы. Только те, что с медными шишечками, из моей спальни. Да не перепутайте: на дачу их повезем. Хозяева, говорят, оставляют свои, но я на чужих спать не могу.

Княгиня говорила негромко, но отчетливо, так что горничная Даша в соседней комнате, сделав вид, что поправляет скатерть на круглом столике, остановилась и прислушалась. Ей тоже нужно было знать, что госпожа велит брать с собой на дачу, а что оставит в городе.

— Слушаюсь, Ваше сиятельство, — ответил дворецкий.

— И постельное белье, — продолжала княгиня. — Все, что есть в комод у Лизы. Простыни, наволочки, пододеяльники. То, с монограммами, не перепутайте. И подушки, те, с лебяжьим пухом. Да не все, две-три будет довольно.

Даша, стоя за дверью, мысленно кивнула. «Подушки возьму, — подумала она, — и еще бархатную подушечку, вышитую, которую княгиня любит под спину класть, когда читает. И одеяло стеганое, на случай если ночи будут холодные. В прошлом году барыня без него мерзла, а сказать не хотели».

— А из мебели? — спросил дворецкий. — Что прикажете?

— Синий диван из кабинета, — сказала княгиня. — И круглый столик к нему, красного дерева, на одной ножке. И лампу, ту, с зеленым абажуром. Без нее я вечером читать не могу, от свечей глаза болят.

— А книги, Ваше сиятельство? — спросил Николай Степанович. — С этажерки взять?

— Взять, — ответила княгиня. — Те, что в коже. И том с гравюрами «Старый Петербург» Пыляева, что на Литейном у Соловьева куплен. Остальные пусть ждут осени.

Даша, стоя за дверью, старалась все запомнить, загибая пальцы. «Книги возьмут, — думала она. — А ножик для книг? Ножик-то барыня забудет взять. Тот, с костяной ручкой, которым она страницы разрезает. Без него она читать не сядет, нужно будет положить».

Она хотела уже уходить, но тут княгиня замолчала, и Даша услышала, как дворецкий кашлянул в руку, осторожно, негромко, так он делал всегда, когда хотел задать неудобный вопрос.

— Ваше сиятельство, — спросил он, — а зеркала, а сервиз? Тот, фарфоровый, с золотом? Прикажете взять или побоитесь везти?

Княгиня помолчала. Даша замерла.

— Не возьму, — сказала наконец княгиня. — Дорога дальняя, тряская. Разобьют, жалко. Оставим в городе. На даче будем пить из того, синего, фаянсового. И самовар возьмем непременно наш, большой тульский. На даче, в холода он нас согреет, а хозяйский маленький, что с него, тепла нет совсем. Свое всегда лучше, Николай Степанович. Свое оно привычное.

Даша вздохнула с облегчением. «Слава Богу, — подумала она. — А то в прошлом году три чашки разбились, а на меня подумали».

Она уже взяла со стола вазу с цветами, чтобы уйти, но голос княгини остановил ее:

— Даша, ты здесь?

— Здесь, Ваше сиятельство, — ответила она, входя в комнату с вазой в руках.

— Ты лучше слушай и запоминай, — сказала княгиня без строгости, но с той легкой укоризной, которая была ей свойственна. — И потом сама проверь, чтобы ничего не забыть. Гребни мои, черепаховые. И помаду. И подушечку под спину, ту, что на диване лежит.

— Слушаюсь, Ваше сиятельство, — присела Даша. — А ножик для книг, с костяной ручкой? Тоже взять?

— Взять, — улыбнулась княгиня. — Какая ты внимательная. Я и забыла про него.

— Я все помню, Ваше сиятельство, не беспокойтесь — ответила Даша, и улыбнулась. — И лекарственные настойки, и шаль вашу теплую, хоть вы и говорите, что не замерзнете. А замерзнете — будет.

Княгиня посмотрела на нее внимательно и улыбнулась.

— Спасибо, Даша, — сказала она. — Иди.

Горничная вышла, притворив за собой дверь.

«Хорошая у меня хозяйка, — думала она, — только забывчивая. А наша забота — помнить. И сервиз тот, фарфоровый, и ножик для книг, и помаду, и подушку. И еще... — она замерла, вспомнив вдруг о том, что не спросила, — а украшения хозяйские, что из них-то на дачу брать?»

Она постояла с минуту, прикидывая, потом решила: спросит после обеда. Теперь — укладывать, перекладывать бумагой, запоминать, что куда положила, готовиться к дачной жизни, которая, она чувствовала это, в этом году будет совсем не такой, как прежде.

Глава 2. Сборы продолжаются

Княгиня услышала быстрые шаги, и в комнату вошла дочь Лиза. Она была уже одета в утреннее платье из тонкого батиста цвета слоновой кости, с высоким, закрытым воротом и длинными рукавами, которые застегивались на мелкие перламутровые пуговицы. Платье это, сшитое к лету, было слишком нарядным для этого хлопотного утра, но Лиза любила его за мягкую, приятную ткань и за то, что оно шло к ее русой косе, уложенной сегодня в простую, но изящную корону вокруг головы. Несколько мелких завитков, выбившихся из прически, вились у висков и на затылке, придавая ее лицу выражение той особенной, утренней свежести, которая бывает только у молодых барышень после долгого, крепкого сна.

В руках она держала вышитый платочек-закладку и книгу, французский роман, который читала перед сном и теперь, видимо, захватила с собой, чтобы дочитать за утренним чаем.

— Доброе утро, мама, — сказала Лиза, подходя к столу и целуя княгиню в щеку. — Вы уже за делами?

— Да, мой ангел, — ответила княгиня, с трудом скрывая улыбку при виде дочери, такой свежей, такой нарядной. — Садись, пей чай. Мы с Николаем Степанычем почти закончили.

Лиза села на стул, положила книгу на колени и с любопытством посмотрела на дворецкого, который стоял у двери с блокнотом в руках и терпеливо ждал дальнейших распоряжений. Она знала, что мать не любит, когда она вмешивается в хозяйственные разговоры, но сегодня ей не терпелось спросить про пианино, неужели и его повезут из Петербурга, на подводе или поездом в багажном отделении?

— Мама, а мое пианино мы берем? Я без него на даче умру со скуки.

— Нет, Лиза, пианино я нашла внаем в Выборге взять, из музыкального магазина. Надеюсь, его доставят к нашему приезду. А ты ноты сама свои отбери да Николаю Степанычу отдай, он уложит.

Лиза просияла и, забыв о книге, взяла со стола булочку, отломив маленький кусочек и вопросительно посмотрела на Дашу, которая как раз принесла ей чай и молоко в сливочнике.

— Да, ноты надо взять, нотный альбом, тот, в кожаном переплете, где Шопен. Я его на даче разучивать хочу.

— Лиза, после завтрака возьми Дашу, она поможет тебе платье отобрать, а мы тут сами управимся. Платья, шляпки, туфли, книги и альбомы, и шитье, и ракетки для лаун-тенниса, Даша поможет.

Лиза допила чай, поднялась, поцеловала мать еще раз и, шурша длинной юбкой, вышла из комнаты, унося с собой книгу, платочек и запах своих духов, легкий, цветочный, как первые ландыши. Княгиня посмотрела ей вслед и подумала: «Какая она у меня взрослая. И какая еще девочка. Как же мало времени осталось, чтобы уберечь ее от всего: от разочарований, от ошибок, от той жизни, которая уже стоит на пороге и которой я не могу помешать».

— Продолжим, Николай Степаныч, — сказала она вслух, поворачиваясь к дворецкому. Но внизу у черного хода, уже стучали ломовые извозчики, и Николай Степанович, извинившись, пошел к ним отдавать распоряжения что куда грузить.

Княгиня подошла к окну, посмотрела, как по Никольской едут подводы и подумала: «Сколько всего мы возим. И кровати, и диван, и лампы, и самовар...» Внизу, у подъезда, она увидела двух ломовых; грузные, в серых армяках, с красными, обветренными лицами, они переговаривались с Николаем Степанычем. Синий диван, увязанный в веревки, медленно, словно нехотя, уплывал в чрево телеги; следом понесли сундук с постельным бельем, корзины, лампы, тюки с одеждой и книги.

Княгиня перевела взгляд на противоположную сторону улицы. Из соседнего дома, из квартиры генеральши Барановой, тоже выносили вещи: знакомую этажерку, обитую зеленым сукном, и кресло-качалку, в котором старый генерал любил читать газеты после обеда. «И они уезжают, — подумала княгиня. — И Долгоруковы, и Горчаковы, и Струве. Все, кто имеет хоть какую-то возможность, бегут из Петербурга в мае, кто в Царское, кто в Павловск, кто в Куоккалу, кто в Терийоки. Скоро здесь никого не останется».

Она представила, как через неделю улицы станут пустынными, как пыль будет стоять столбом на мостовых, а из-за Невы потянет смогом с заводов: Обуховского, Балтийского, с тех, что курили дни и ночи, отравляя воздух угольной гарью и серой. И в городе поселится запах торфа, горящего на окрестных болотах, терпкий, удушливый, который пробирался в самые плотные рамы и висел в комнатах до самого сентября, смешиваясь с запахом нагретой мебели и воска. И духота, та самая, петербургская, от которой не спасают ни открытые форточки, ни ведра с водой, ни веера. Духота, когда кажется, что нечем дышать и сердце колотится в груди, как птица в клетке, и нет сил ни читать, ни думать.

«И слава Богу, — подумала княгиня, отходя от окна и поправляя тяжелую прическу, — Слава Богу, что мы завтра уезжаем. Слава Богу, что там, в Куоккале, есть сосны, и ветер с залива, и этот чистый, прозрачный воздух, от которого кружится голова и хочется жить. Слава Богу, что кто-то когда-то придумал дачи».

Княгиня снова села за столик в гостиной, посмотрела на голубые обои, на портрет покойной матери в овальной раме, на тяжелые портьеры, которые скоро закроют на все лето, и почувствовала то особенное, смешанное чувство, которое бывает перед отъездом: и жалко расставаться с обжитым покоем, и радостно от мысли, что завтра и на все долгое лето она будет совсем в другом мире, среди роз и сирени.

Глава 3. Дорога

На следующее утро после чая княгиня Мария Николаевна вышла из спальни в дорожном платье, темно-сером, из шелка-дюпона с узкими рукавами и маленькой кружевной вставкой у ворота, и окинула взглядом прихожую.

Все было готово. Крупную мебель погрузили и увезли подводами вчера, а остальное, то, что поедет с ними поездом, коробки, корзины, чемоданы, еще с вечера унесли вниз, к черному ходу, откуда их должен был забрать ломовой извозчик и отвезти на багажную станцию Финляндской железной дороги. В квартире пахло мастикой, воском и пустотой, тем особенным, странным запахом, который вдруг появляется в доме перед долгим отъездом хозяев.

— Даша, экипаж подан?

— Подан, Ваше сиятельство. Иван давно у крыльца, лошади свежие, застоялись.

Лиза вышла из своей комнаты, тоже одетая и причесанная кверху по-дорожному. На ней было легкое пальто жемчужного цвета и шляпка с лентой, которую она завязывала бантом под подбородком.

— Мама, а книгу я взяла? Ну, ту, французскую?

— Взяла, взяла, — улыбнулась княгиня. — Я сама положила в твой саквояж. Идем, друг мой, а то на поезд опоздаем.

Они вышли на лестницу. Парадная, с чугунными узорами, статуями и зеркалом в простенке, еще хранила утреннюю прохладу. Швейцар Егорыч, старый, с медалью на лацкане, распахнул дверь настежь и поклонился.

— Доброго пути, Ваше сиятельство.

На улице, у тротуара, стояло ландо: легкая, рессорная коляска на двух лошадях, темно-гнедой паре, которую княгиня держала уже третий год. Кучер Иван, дородный, с окладистой бородой и важным, почти генеральским лицом, поправил вожжи и крякнул, увидев господ.

— На Финляндский, Иван, — сказала княгиня, когда Лиза уселась и поправила юбки.

— На Финляндский, Ваше сиятельство, — подтвердил он и чуть прищелкнул языком, тронул лошадей, не торопясь, со знанием дела.

Лошади пошли мягко, и коляска покатила по Никольской, Морской и дальше в сторону Литейного. Город в этот ранний час был почти пустым, дворники с метлами, редкие пролетки, городской на углу, лениво провожающий взглядом проезжающие коляски. Пахло пылью и той особенной свежестью, какая бывает в Петербурге только в конце мая, пока лето еще не нагрело каменные стены.

Лиза сидела, откинувшись на спинку, и смотрела по сторонам с тем счастливым, рассеянным вниманием, с которым молодость смотрит на привычные улицы, зная, что скоро они останутся позади на целых три месяца.

— Мама, — сказала она вдруг, — а помнишь, как мы ехали прошлым годом? И дождь был, и лошадь захромала, и мы опоздали на поезд?

— Помню, — ответила княгиня. — И чемодан тогда потеряли. Со всеми твоими туфлями.

— Ах да, туфли! — Лиза рассмеялась, и смех ее, молодой, звонкий, разлетелся по улице, заставив обернуться какого-то господина в котелке. — Я тогда три дня в ваших старых ходила. А вы говорили: «Ничего, Лиза, это приучает к терпению».

— И приучило? — спросила княгиня с легкой усмешкой.

— Нет, — честно сказала Лиза и улыбнулась опять.

Коляска тем временем выехала на площадь, где уже виднелось аккуратное здание вокзала в светлом кирпиче. У входа в вокзал толпился народ: дачники с узлами, корзинами, детьми, хозяйки с перепуганными лицами, няньки в кумачовых платках. И поверх этой суеты, над шляпками и картузами, висели дымный запах паровоза и гулкое, металлическое дыхание железной дороги.

Княгиня сошла на мостовую, поправила шляпку и огляделась с тем смешанным чувством досады и облегчения; досады на то, что впереди еще дорога, таможня, снова коляска, и облегчения — от того, что город, с его вечными заботами, остается позади.

— Ну что же, Лиза, — сказала она, беря дочь под руку. — Идем. Нам вагон первого класса, наверное, много знакомых встретим.

В вокзале было шумно и тесно, но носильщик в синей блузе, увидев княгинин билет, тотчас вывел их к перрону, где уже дымился состав — длинный, зеленый, с блестящими медными поручнями. Вагон первого класса встретил их чистыми диванами из темно-синего плюша, бархатными занавесками с кисточками, лампами под матовыми колпаками и тем спокойным, деловитым покоем, к которому привыкли люди ее сословия.

Княгиня села у окна, по ходу поезда. Лиза тотчас бросила саквояж на диван, сняла шляпку и, прижавшись лбом к стеклу, замерла.

Поезд тронулся неслышно, почти незаметно: сначала дернулся, потом пошел плавно, и вот уже перрон, и светлая стена вокзала, и последние провожающие — фигурки в шляпах и мундирах — поплыли назад, уменьшаясь и тая.

— Ну с Богом, — сказала княгиня, откидываясь на спинку дивана.

Пейзаж за окном менялся быстро. Сначала проплыли унылые задворки Петербурга: дощатые заборы, горы угля, пакгаузы, серые дома с облупившейся штукатуркой. Потом все чаще и чаще стали попадаться дачи: деревянные, с мезонинами и башенками, крашенные в

веселые цвета: охру, зелень, киноварь. Кое-где на верандах уже сидели люди, а во дворах на лужайках играли дети и бегали собаки, чувствовалось приближение лета и тепла во всем, что видели глаза пассажиров поезда «Петербург — Терийоки».

— Мама, посмотри на березы! Тут уже совсем по-летнему! — сказала Лиза.

И правда, за стеклом поплыли березы, не те, чахлые, городские, а сочные, свежие, с клейкой, пахнущей жизнью листвой. Лес становился гуще, чище; в промежутках меж сосен мелькали стволы вековых елей, и иногда, на поворотах, открывалась вода — залив, холодный, еще не прогретый, но уже сияющий на солнце всеми оттенками стального серого и голубого.

— Лизонька, — негромко сказала княгиня, глядя на эту воду и маленькие лодочки, — А все-таки, как хорошо, что мы едем. Право, хорошо. Город, он душу сушит. А здесь, в лесу да у воды, она оттаивает.

В вагоне первого класса было тепло, почти душно, от натопленной печи, за которой следил усатый кондуктор и от мягкого, плотного бархата обивки. Княгиня сняла дорожное пальто и шляпку с вуалью, положила ее рядом на диван. Кондуктор предложим им чаю; в подстаканниках с двуглавыми орлами, с лимоном и даже с калачом, но она не взяла, только смотрела, как бегут телеграфные столбы. Из соседнего купе доносилась французская речь, плавная, быстрая, с паузами, словно собеседники спорили о чем-то важном. Потом колеса заскрежетали чаще, поезд стал сбавлять ход, за окном потянулись шлагбаумы и низкие кирпичные строения. В коридоре прозвучал голос кондуктора: «Белоостров — таможенный досмотр».

В вагон первого класса таможенный чиновник зашел сам, держался вежливо, был опрятен в своем темном мундире, с кожаной планшеткой через плечо. Попросил позволения взглянуть на багаж, спросил:

— Не изволите ли везти сверх личных вещей кофе, шоколад, шелк или ювелирные изделия?

— Нет, только самое необходимое.

— Вы, я так полагаю, на дачу, на все лето? Должен предупредить, что личный провоз кофе ограничен двумя фунтами, все, что сверху подлежит уплатить пошлину.

— Нет, при мне только саквояж, и кофе в нем нет.

— Прошу прощения за беспокойство, служба!

Таможенный чиновник прошел, допрашивая, весь вагон, а кондуктор попросил пассажиров пройти в здание вокзала и там дожидаться окончания общей таможенной проверки. На перроне было многолюдно, пассажиры второго и третьего классов несли свой багаж на досмотр. Княгиня вздохнула, поправила шляпку, накинула пальто и вышла следом за Лизой. Ничего не поделаешь, надо ждать, граница есть граница.

В зале ожидания для пассажиров первого класса было тихо и прохладно. За окном, на перроне, все так же сновали люди, покрикивали носильщики, таможенники в зеленых мундирах перекликались друг с другом, но сюда, за толстые стены старого вокзала, шум доносился приглушенно. Княгиня присела на кожаный диван и стала рассеяно смотреть в окно. Лиза, напротив, не находила себе места: подходила к двери, прислушивалась, выглядывала в коридор, трогала графин с водой.

— Лиза, сядь, — сказала княгиня без строгости, но с той легкой усталостью, которая появляется в голосе после дороги. — Вот чернила, напиши подругам письмо с границы, пока ждем.

Лиза взяла бумагу, положила ее на кожаную подушку, пристроила на коленях и задумалась.

— Мама, а что писать? «Здравствуй, Аннета, мы на границе, кругом чухонцы, они продают ландыши на перроне»?

— Пиши как есть, — улыбнулась княгиня. — Это и есть самое интересное.

Лиза принялась писать, низко склонившись над листком, выводя крупные, чуть неровные буквы.

— Мама, вам я прочесть не дам, тут наши секреты, — сказала она, вкладывая бумагу в конверт.

— Не надо, — ответила княгиня, пряча улыбку. — Отдай Даше на перроне, она опустит в почтовый ящик.

Лиза аккуратно надписала конверт знакомым, округлым почерком: «Ее сиятельству княжне Горчаковой, в Санкт-Петербург, Сергиевская, 15» и, довольная, положила письмо на столик.

— Теперь я чувствую себя путешественницей, — сказала она, откидываясь на спинку дивана. — Письмо с границы. Аннета порадуетя.

— Порадуются, — ответила ей княгиня. — И ответит тебе такой же открыткой с их дачи в Терийоках. А теперь идем, кондуктор зовет.

На выходе из вокзала княгиня попросила Дашу купить им ландышей у местных торговков. Даша кивнула, сунула руку в карман за мелочью и бойко направилась к торговкам, а княгиня с Лизой пошли к вагону, огибая лужицы на перроне. Через минуту Даша догнала их, в одной руке у нее был берестяной туесок, наполненный алой, душистой земляникой, в другой — два туго перевязанных пучка ландышей.

Княгиня с дочерью поднялись по ступенькам в вагон, и когда поезд, качнувшись тронулся дальше, а кондуктор объявил, что следующая станция «Куоккала», Мария Николаевна вдруг почувствовала, что вместе с дачей, сиренью и белыми ночами на нее надвигается что-то очень значительное и важное и совсем не имеющее отношения к ее петербургской городской жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.